

ПОЗДНО вечером раздался телефонный звонок. Всегда такой спокойный, мягкий, грудной голос Тамары Ильиничны звучал взволнованно. Певица говорила непривычно торопливо, сбивчиво:

— Вы не спите? Простите меня... Только что вернулась со спектакля... Ну зачем я вас пригласила?... Накладки, погрешности... Стыдно!

— Да что вы, Тамара? Ваша Кончаковна, как всегда, была прекрасна. И вокально, и сценически. А остальное, честно говоря, меня особенно и не интересовало.

— Нет, не говорите... Я ведь очень щепетильна в этом плане и мучительно переживаю, если в спектакле что-то не ладится...

Успокоить ее мне так и не удалось. А ведь речь шла о самом что ни на есть «рядовом» спектакле — не о премьерном, не о возобновлении, не о дебюте. Речь шла об опере «Князь Игорь», в которой Синявская — Кончаковна представляла перед зрителями многие десятки раз, всегда вызывая горячий отклик у зала (как было и в тот вечер). Более десятилетия назад парижские газеты писали: «Откровением спектакля бесспорно явилась Тамара Синявская — прекрасная, чувственная Кончаковна, обладающая волнующим контраalto» («Паризьен либере»).

Удивительно, как удастся Синявской сделать даже небольшую роль «главной», приковывающей к себе внимание публики, запоминающейся в спектакле. Наверное, потому, что, по твердому ее убеждению, не существует ролей главных и второстепенных — все главные, если ты настоящий артист.

люди искусства

ДАР ОБЩЕНИЯ

М. ИГНАТЬЕВА

— Помню, как я готовила свою первую партию в театре. Впрочем, партия — слишком громко сказано, ведь она состоит из одной реплики, первую роль — Пажа в «Риголетто». — рассказывает она, улыбаясь. — Меня, двадцатилетнюю, тогда только-только приняли в стажерскую группу Большого. К сцене, казалось бы, я привыкла еще школьницей, участвуя в пионерском ансамбле песни и танца, которым руководил Владимир Сергеевич Локтев. С его коллективом я много выступала, даже выезжала в зарубежные гастроли. И еще набралась «сценического опыта» в Малом театре, где студенткой подрабатывала, чтобы облегчить мамину нелегкую долю одинокой женщины, воспитывающей дочь, — служила в засценном хоре. А когда поставили «Живой труп», мне выпало счастье появиться в толпе цыган перед публикой. Так что «сценический опыт» был, актерская задача в роли Пажа, казалось бы, легче легкого. Но как же тщательно я отработывала свою фразу, как училась носить костюм, выверляла походку, жесты. Как дрожала перед появлением на главной оперной сцене страны! Вышла из-за кулис — и вдруг показалось, что полторы тысячи глаз смотрят только на меня одну. От волнения пропела вызубренную строчку в два раза медленнее, а дирижер от изумления пошел за моим темпом. Вот с какого конфуза началась моя оперная биография. Признаться, и по сей день, каждое общение с публикой — для меня волнение, нервы. Правда, стоит только внутренне настроиться, собраться, и зала уже не существует. Есть я и музыка! Есть жизнь моих героинь, это моя жизнь!

Думаю, в последних словах Тамары Ильиничны самая точная характеристика ее творческой индивидуальности — жизнь героев произведения становится ее жизнью. Не потому ли о ней никогда не скажешь, что она хорошо поет и хорошо играет, — это неразделимо в ее искусстве, органично сплавлено, едино. Она живет в образе. Вот это, конечно, и есть подлинная артистичность.

Т. Синавская всегда с большой теплотой и уважением рассказывает о своих педагогах, наставниках: Владимир Сергеевич Локтев, Ольга Павловна Померанцева, Дора Борисовна Белявская, Борис Александрович Покров-

ский. Мне повезло, очень повезло, подчеркивает она всегда. Безусловно, повезло: они привили любовь к профессии, научили работать, дали знания, развили способности. Однако то, что составляет главное ее богатство — необычайной красоты тембра, мягкости, наполненности голос почти контральтового звучания, о котором кто-то из рецензентов очень образно сказал: «Звук его то плотен и округл, и, кажется, его можно держать в ладонях, то он звенит, и тогда страшно пошевелиться, потому что он может разбиться в воздухе». А в прекрасном голосу — еще редкая музыкальность и сценический талант.

Как распоряжается ими обладательница таких богатств? Мне несколько раз приходилось слышать суждения, что, мол, не слишком рачительно: могла бы и больше спеть партий в театре, чаще выступать в концертах. Конечно, могла, судя по таланту, добавить еще и еще названия к списку осуществленных оперных партий, хотя и сейчас количество их исчисляется далеко не одним десятком, расширить камерный репертуар. Однако, судя по взглядам Синавской на свой творческий труд, по тем художественным требованиям, которые она ставит перед собой, в «замедленности» темпов — глубокий смысл.

— Для меня приготовить партию, это не значит выучить музыкальный и словесный текст. Кстати, учу я быстро, запоминаю легко, надолго, и не только свою вокальную строчку, но и партии партнеров, всю оперу целиком. Однако этого еще мало, чтобы считать роль готовой. Я не очень люблю заштампованное слово «перевоплощаться», но оно предельно точно определяет существо творческого процесса. Внутренне зажить другой жизнью, ощущать ее каждым своим нервом — вот что значит подготовить партию. Как только начинается работа над образом, я уже больше ни о чем другом не могу думать. Однажды был совершенно комический случай: я разучивала в ту пору партию Любаши в «Царской невесте», и меня ни на минуту не оставляли мысли о ней: повторяла про себя ее слова, искала нюансы речи. И вот еду в метро, думаю о том, как должна произнести Любаша фразу: «Нет, быть не может!..

ты меня не кинешь!», обращенную к разлюбившему ее боярину Грязному. Пробую, повторяю еще и еще. Вдруг замечаю недоуменные взгляды пассажиров, уставившихся на меня, слышу: «Ты меня не кинешь». Да это же мой собственный голос — увлеклась и запела вслух.

Любашу Т. Синавская называет любимым образом и самым счастливым для себя, хотя судьба героини глубоко трагична. С первого появления на сцене певица дает почувствовать эту трагическую тональность. Она воссоздает подлинную человеческую трагедию, жизненно достоверную, без мелодрамы, без надрыда, без «театральщины» и оперных страстей.

А Варвара Васильевна («Не только любовь» Щедрина)! Образ ее рожден самой жизнью, он пришел на сцену из сожженных фашистами сел и деревень. Опера рассказывает о женщинах, которым выпала тяжкая доля, — заменив мужчин, пахать, хозяйствовать, строить на покрытых пеплом землях новую жизнь. Трудно забыть Варвару — Синавскую: с личным, собственным ощущением мучительных переживаний женщины, которой выпала такая судьба, вела она партию.

И снова на ум приходит заштампованное слово «перевоплощение», когда мысленно сравниваешь образ Варвары — психологически сложный — и немудрящую Фроську («Семен Котко» Прокофьева) — деревенскую веснушчатую девчонку-подростка, эдакого живчика, неугомонного чертенка...

Говоря об образах, созданных Синавской, нельзя обойтись молчанием «обязательную» для всех меццо — Кармен. Именно в этой «обязательности», на мой взгляд, наибольшие трудности: не копировать, не повторять, заимствуя чужое, но и не придумывать того, чего нет у авторов. Трудно! Однако Тамара Ильинична по своему прочтала образ, не вступая в «спор» с Бизе и Мериме. Ее Кармен мягче, тоньше, лиричнее, чем мы привыкли видеть.

Певица вынашивала образ долго. Мы несколько раз беседовали с ней по этому поводу. Тамаре ближе портреты русских женщин, русские характеры, русская музыкальная речь. Это ее

стихия. Да и сам характер героини ей не по душе — и она искала психологическое обоснование ее поступков, точный для себя эмоциональный ключ. А уж когда дебютировала в спектакле, восторг был полнейший: привлекательный внешний облик, абсолютная свобода пения, как разговор, и при этом потрясающее богатство вокальных красок, выразительность сценического рисунка, почти профессиональный танец. Откуда такое мастерство?

— А вы знаете, здесь прорезалась моя едва ли не врожденная страсть к хореографии. Мечтала о балетной сцене, поэтому и записалась в шесть лет, совершенно самостоятельно, в танцевальную группу локтевского ансамбля. Как было знать, что вырасту такой большой? Правда, терпели меня там недолго — убрали за озорной характер. Так завершилась моя балетная карьера. А в десять лет я снова пришла к Локтеву, но уже в певческий коллектив. В «Кармен» я занималась с артистом балета Сергеем Радченко и с прославленной балериной Мариной Тимофеевной Семеновой — занималась танцем, пластическим рисунком роли. Марина Тимофеевна очень многое подсказала не только в хореографии, пластике, но и в целом решении образа.

Особая страница в биографии Синавской — камерное пение. В последние годы, как никогда раньше, она уделяет ему серьезное внимание. Тамара Ильинична рассказывает, что вместе с Муслимом Магомаевым она подбирает камерный репертуар, он аккомпанирует ей.

Сольные камерные программы певицы — всегда праздник для любителей музыки. Какая она в камерном репертуаре? Можно очень много рассказывать об интересных трактовках, о богатстве вокальных красок, о чарующем голосе и многое другое. Однако самое важное: на концертной эстраде мы встречаем артиста, каждая вокальная миниатюра у нее — сцена из жизни, маленький театр, каждый герой романа — живой человек со всеми его мыслями, переживаниями, страстями. В песнях советских авторов — их часто поет Синавская, — душевный, доверительный тон в общении с аудиторией.

Вообще дар общения с людьми у Тамары Ильиничны редкий. Здесь, безусловно, сказывается прежде всего ее характер — душевная открытость, доброта к людям, но, наверное, и выработавшееся за несколько лет руководства комсомольской организацией оперной труппы Большого театра умение говорить с коллегами, прислушиваться к их нуждам, защищать их интересы (не случайно Синявская избиралась от театра делегатом XV съезда ВЛКСМ). Дар общения! Мне довелось нынешней весной вести ее творческий вечер, — отчет перед членами бригад ударников коммунистического труда нескольких крупных предприятий столицы. В зал ВТО, где это происходило, набилась масса народа. Слушали ее словно замороженные.

Знаменательно: в тот вечер ко всем регалиям артистки — «золотой» лауреат трех международных конкурсов, лауреат премии Московского комсомола, народная артистка РСФСР, кавалер ордена Трудового Красного Знамени — ко всем ним прибавилось еще одно почетное звание: член бригады ударников коммунистического труда фабрики «Парижская Коммуна».

— Значит, я должна теперь работать на уровне всех членов моей бригады, — обратилась она в зал. — Пусть я не участвую в вашем рабочем процессе, но в своей деятельности советского певца, артиста я обязана оправдать это звание и отдавать все силы, всю энергию, все знания без остатка.

● Народная артистка
РСФСР Тамара Синявская.
Фото Б. Бдовенко.